

АЛАН ХОЛЛ

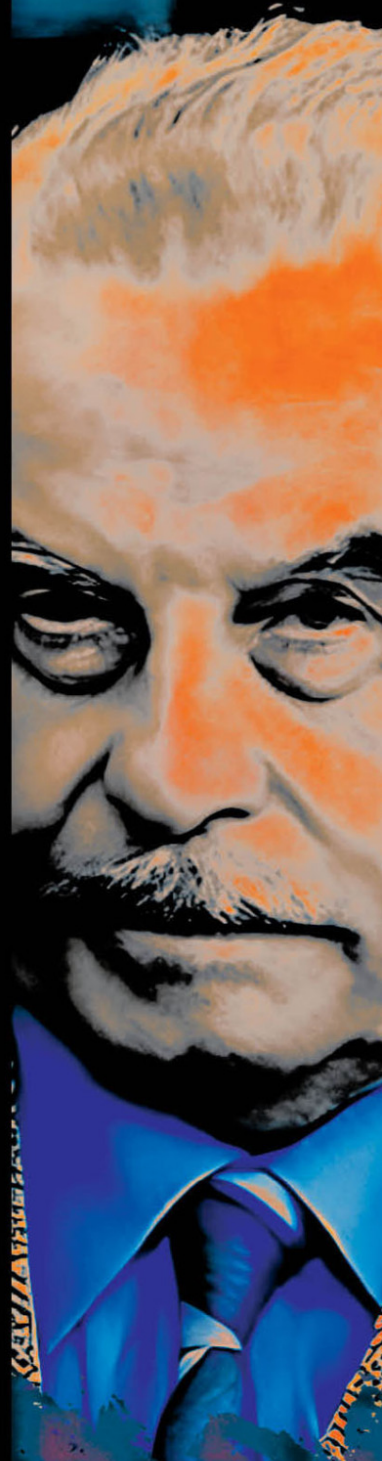
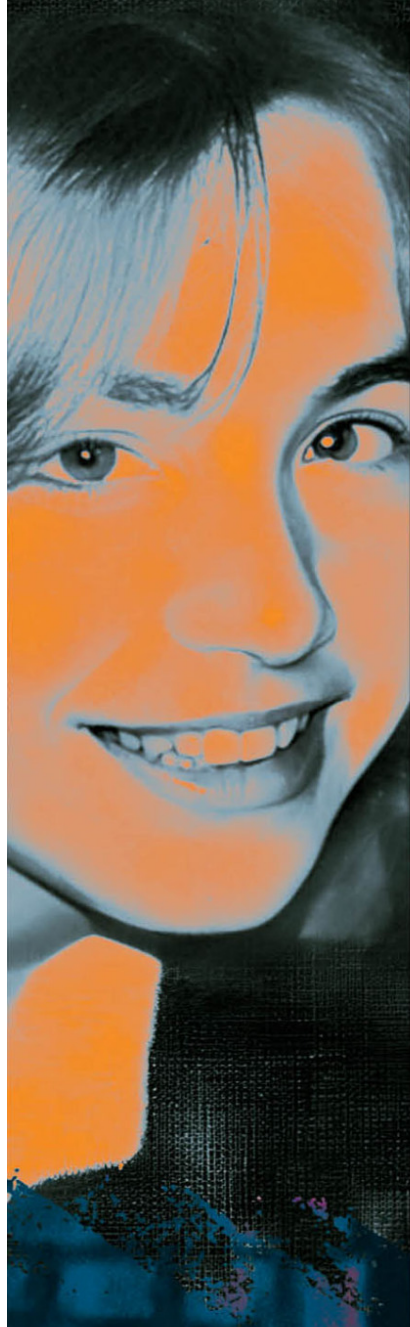
ПОДВАЛ

24

ГОДА

В СЕКСУАЛЬНОМ

РАБСТВЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Алан Холл

**Подвал. 24 года в
сексуальном рабстве**

«Алисторус»

2008

УДК 343.2/7(470+571)
ББК 628.1

Холл А.

Подвал. 24 года в сексуальном рабстве / А. Холл — «Алисторус»,
2008 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00222-289-6

Этот дом в маленьком австрийском городке Амштеттен в одночасье стал знаменит: Несмотря на запреты полиции, туристы еще долго делали фото и зарисовки фасада. А в бункере под домом на протяжении почти четверти века находился ад. Здесь с 1984 по 2008 год простой электрик Иозеф Фритцль держал в заточении и регулярно насиловал собственную дочь, а вместе с ней, не зная солнечного света томились и рожденные от противоестественного сношения дети. В этой книге исследуются пытки, акты насилия, страдания, но также и конечное торжество человеческого духа матери и ее детей, прошедших через ад, но нашедших в себе силы жить дальше. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.2/7(470+571)

ББК 628.1

ISBN 978-5-00222-289-6

© Холл А., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

Предисловие	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алан Холл

Подвал. 24 года в сексуальном рабстве

Allan Hall

Monster: an Austrian Nightmare:

The Story of Josef Fritzl and His 24-year Reign of Terror

Penguin Books Ltd, London, 2008

© Холл А., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Предисловие

«Откройте!»

Голос был грубый, и старик вздрогнул. Он привык отдавать приказы, а не получать их.

Двое полицейских с суровыми лицами стояли возле двери, сталь пистолетов тускло поблескивала в тепловатом желтом свете. Их интересовала суть дела, и в какую-то долю мгновения, набирая шестизначный код на коробке, служившей электронным замком, Йозеф Фритцль понял, что подземному царству жути, которым он правил, навсегда пришел конец.

С грохотом распахнулась бетонная дверь (один из полицейских подумал, что уже видел нечто похожее в каком-то фильме про Индиану Джонса), и волна теплого зловония и затхлости – прелый запах плесени, пота и страха – окатила Фритцля и его нежеланных гостей. Фритцль привык к этому, чего нельзя было сказать о полицейских. Закрыв лица носовыми платками, они хрипели и кашляли: от такого «благовония» их чуть не выворачивало наизнанку. Казалось, зло совершено здесь и теперь, вырвавшись на свободу, пропитывает их одежду, их кожу; казалось, зараза въедается в них, заключает в свои липкие объятия, приобщая к омерзительномуговору, свершенному там, внутри.

Стояло раннее воскресное утро 27 апреля 2008 года. Полицейские проследовали за властелином темницы Фритцлем через семь запертых дверей, прежде чем достигнуть восьмой, последней, ведущей в потайную пещеру, где Фритцль двадцать четыре года держал собственную дочь как рабыню, удовлетворявшую его похоть. В этой смрадной подземной тюрьме он прижил с ней семерых зачатых в кровосмесительной связи детей, трое из которых выросли во тьме.

Немногим ранее двое последних обитателей этой преисподней – пятилетний Феликс и восемнадцатилетний Штефан – были спасены и отправлены на попечительство местной клиники, где снова встретились с матерью. В пятницу вечером, освобожденные и оказавшиеся в объятиях бабушки, проведя жизнь буквально у нее под ногами, они выглядели бледными и болезненными, недоверчивыми и запуганными, но также преисполненными благодарности, не выразимой никакими словами ни одного языка, – за то, что наконец бежали из бетонной могилы.

Даже зная о существовании темницы, полицейские не могли отыскать ни единого ее следа. Единственная надежда на скорое решение была связана с самим Фритцлем. После того как его забрали из комнаты для допросов при полицейском участке Амштеттена и привезли на место преступления, он провел офицеров в свой тайный мир за буфетом, погребенным под старыми жестянками из-под краски, коробками гвоздей и шурупов, негодными сверлами, мотками изолянта, кистями, трансформаторами и пластиковыми горшками для цветов.

Один из присутствовавших позднее сказал, что увиденное за дверью напомнило ему концлагерь. Во время Второй мировой войны два таких лагеря, подчиненных концентрационному лагерю Маутхаузен-Гузен в Амштеттене, являлись частью комплекса, в котором, по предварительным подсчетам, погибло до трехсот двадцати тысяч человек. Офицер видел сцены ужасающих условий, в которых содержались превращенные в рабов заключенные, не видевшие даже лучика солнечного света. Но после окончания войны прошло уже много лет, и он никак не ожидал столкнуться с чем-либо подобным. Что же произошло здесь?

Вполне вероятны были и более трагические развязки.

Керстин, безнадежно больная дочь Фритцля, за несколько дней до того выпущенная из камеры для того, чтобы получить медицинскую помощь, и ставшая причиной падения своего отца и деда, могла умереть. Фритцль мог запретить Элизабет, которую держал под замком как механизм личного размножения, навещать ее. Но в конце концов Фритцль-тюремщик – надзиратель, верховный владыка света и тьмы – допустил ошибку, и его изошренная тирания закон-

чилась. За сутки двадцатитрехтысячное население австрийского городка Амштеттен увеличилось почти на тысячу человек: это были журналисты и телевизионщики, которые – в состоянии шока – расположились лагерем возле дома Фритцля и сообщили миру подробности эпопеи чудовищного греха, перед которым цепенела мысль.

В этом рассказе о добре и зле есть и своя героиня. Элизабет, терпевшая домогательства своего отца, воплощения зла, а затем принужденная растить плоды его неконтролируемых прихотей, щедро изливала любовь и заботу на своих уцелевших шестерых детей: седьмой, умерший во младенчестве – так, кучка мелких отбросов, – был сожжен в домашнем мусоросжигателе. Трое заживо погребенных чад жило рядом с ней; они никогда не играли с другими детьми, никогда не видели звезд и не ловили капли дождя. Существование их было полностью ограничено пятидесятипятиметровой камерой без окон, вырытой в земле их тюремщиком. Следуя еще более прихотливому сдвигу своего сознания, он разрешил трем детям жить во внешнем мире – мире, который узники темницы знали просто как «то, что за дверью», – и эти счастливицы даже не подозревали о мучениях, которые их единокровные братья и родительница неслышимо и незримо терпели каждый день буквально у них под ногами.

В этой книге исследуются пытки, акты насилия, страдания и конечное торжество человеческого духа, когда Элизабет наконец рассказала полиции историю своих мук. Дочь ее умерла, тем самым заклятие было снято, и она смогла поведать миру столь мрачную, поистине дьявольскую историю, равных которой сегодня не сыщется. До сих пор люди представляли себе зло лишь абстрактно. В этой книге подробно исследуется Фритцль-человек. Его запутанные финансовые дела разбираются наравне с не менее запутанной сексуальной патологией. Люди, хорошо знавшие его, а также случайные знакомые проливают свет на случившееся в своих интервью.

Бесспорно, перед нами монстр, однако оказывается, подобные монстры живут рядом с нами и носят вполне человеческие личины. Человеческий облик Йозефа Фритцля – обратная сторона медали, сторона, которую следует тщательнейшим образом изучить. Вне всякого сомнения, его подлинному портрету найдется место в портретной галерее других монстров, запечатленных СМИ.

Что же касается Элизабет, то старые друзья воскрешают в памяти образ девочки с нежностью, даже с любовью. Многие в этой книге посвящено ей, поскольку именно она повлияла на то, как сложилась судьба Йозефа Фритцля.

Друзья, родственники, учителя и знакомые и тут сделали все возможное, дабы помочь рассказать о ее злосчастной судьбе, мучительствах, которые она претерпела от рук собственного отца.

Дом семейства Фритцлей

Франц Польцер, человек, руководивший командой, которая раскрыла существование подземной камеры и ее зловещие секреты, дал автору этой книги эксклюзивное интервью обо всем мрачном деле в целом. Он подробно повествует о корчах стыда, мучивших Фритцля незадолго до того, как его тайна стала достоянием гласности, и свидетельствует о мужестве, с каким Элизабет встретила нечеловеческую жестокость, жертвой которой стала. Герр Польцер выражается четко и ясно, он не из тех, кто склонен к преувеличениям. Своими словами он описывает уголовное дело, самое душераздирающее из всех, над которыми ему приходилось работать.

Последняя глава этой книги так и осталась недописанной. Йозефа Фритцля должны признать либо душевнобольным, либо злодеем. Первое сулит ему содержание в надежной клинике для умалишенных, второе – суд и, несомненно, пожизненное заключение за решеткой. Как бы ни сложилась его судьба, она никогда не будет столь же нелепой и абсурдной, как та, на которую он обрек свою собственную дочь и отпрысков, зачатых в кровосмесительной связи.

Остается задуматься также и над судьбой выживших, душа и тело их сплошь покрыты шрамами после нечеловеческих мук заключения, которые им довелось претерпеть. Терапия предлагает многолетний курс лечения, направленный на то, чтобы облегчить им приобщение к чуждому миру. Однако они окажутся на неизведанной территории, лишены ориентиров. Несмотря на явные улучшения, ни один врач не скажет наверняка, насколько им удастся преуспеть и превратиться в полноценных людей.

И, наконец, австрийскому народу так или иначе предстоит выяснить, что за общество он собой представляет. Амштеттенское дело высветило серьезную ущербность в психологии людей, а также бессилие юридических и общественных структур, ни одна из которых не смогла защитить Элизабет и ее детей. Напомним, это не первый случай. Другой жертве – Наташе Кампуш, похищенной в 1998 году, пришлось провести в камере восемь с половиной лет и пережить тяжелейшие мучения от рук похитителя. Земля Моцарта и его музыки не раз проявляла глухоту, сталкиваясь с призраками нацистского прошлого. Тот же Йозеф Фритцль признался, что именно дух и реальность тех дней оказали на него наибольшее влияние, выковали его характер, сделали тем, кто он есть. Если нацистская власть подготовила почву для чудовищного alter ego Фритцля, то можно не без основания предположить, что нацистское наследие превратило его соотечественников в соучастников изощренных преступлений.

В обычай австрийцев издавна вошло желание отстраняться от всего неприятного, противоречивого, спорного, скрывать это от чужих глаз. Конечно, лучше любоваться чарующими видами покрытых снегом горных вершин и наслаждаться вкусом яблочного штруделя – нравственно чистыми, позитивными образами современного государства, входящего в Европейский союз. Йозеф Фритцль доказал, что и в прошлом, и в настоящем у Австрии остались незакрытые долги. Ее граждане больше не могут жить, основываясь на Schein nicht Sein – вере, что внешность важнее того, кто ты на самом деле. Память о Фритцле должна положить конец подобным умонастроениям. Жертвы более восьми с половиной тысяч дней, промучившиеся в царстве ужаса, на меньшее не согласны.

Часть I

Генеральный план

Глава 1

Мальчик по имени Йозеф

Мальчик Йозеф не достиг всего двадцати шести дней до своего трехлетия, когда пришли нацисты. Годы спустя он будет рассказывать своим приятелям по Хауптшуде в Кирхенгассе, как отец поднял его на плечи, а он вытягивал шею, чтобы получше разглядеть марширующих. Играли оркестры, знамена колыхались в мягких порывах весеннего ветерка. При известии о том, что Гитлер собирается посетить маленький австрийский городок, повсюду царил праздничная атмосфера, а накануне вечером отец сказал Йозефу, какое важное значение имеет появление немцев в городке. «Они пришли спасти нас, спасти Австрию», – сказал он. Йозеф мало что в этом понимал, но форма военных ему понравилась. Понравилось и то, что отец обратился к нему, что случалось далеко не так часто, если речь не шла о выговорах.

Скоро раздался хриплый рев, почти заглушивший здравицы толпы. Обогнув угол, неуклюжий G4, трехосный «мерседес» с открытым верхом, замедлил ход перед самой богатой лавкой подержанных вещей Адольфа Грегера, одного из горстки евреев городка, который позже, вслед за своей семьей, сгинет и погибнет по приказу другого Адольфа, тоже австрийца, который теперь поднялся с пассажирского сиденья своего грузного автомобиля, чтобы на свой манер отсалютовать Грегеру. Пока фюрер не спеша двигался по главной площади, население, охрипшее от приветственных возгласов, раздумявшееся от пива, вина и природного полнокровия, с восхищением следило за ним влажными от слез глазами. Скоро Адольфу Гитлеру предстояло стать почетным гражданином этого городка, скоро предстояло подписать письмо мэру, где говорилось, как вождь всех немцев тронут теплым приемом, хотя иного и не ожидал.

Такие слова, как «раса», «сверхчеловек», «недочеловеки», естественно, были чужды понятию мальчика из детского сада в кожаных штанишках, расшитых узором из эдельвейсов. И все же люди, маршировавшие в стройных колоннах, с горящими глазами, устремленными к цели, еще не доступной его младенческому разумению, изменили чопорных, угрюмых, сдержанных соседей, превратив их в улыбчивых, хохочущих, жизнерадостных людей. Это настроение распространялось и на отца. Не так уж часто юный Йозеф мог бы назвать его «жизнерадостным», вот почему этот день оставил в нем впечатление такое же огромное, как след динозавра на аллювиальном песке.

Йозеф размахивал флажком со свастикой, который зажал в левой руке, подняв правую в знак приветствия новых благодетелей Австрии, когда пофыркивающая мотором машина остановилась в нескольких ярдах от его насеста.

– Зиг хайль! – раздался слитный рев.

– Зиг хайль! – откликнулся Йозеф.

Порядок, дисциплина, послушание. Отец говорил ему, что это триединство вдохновляет нахлынувших из-за границы людей в коричневых рубашках, и, как человек, проживший немногим более тысячи дней, может от всей души желать чего-то, Йозеф желал видеть в них образцы для подражания. Словно некто взял шприц и ввел мальчику вирус экстремизма, который отныне и впредь будет формировать его ДНК.

Йозеф стал свидетелем германской оккупации Австрии, известной как аншлюсе, или воссоединение; невинный термин, предназначенный замаскировать откровенный захват земли, оказавшейся под ярмом Великого немецкого рейха. Даже название страны исчезло – осталь-

ным обитателям Третьего рейха она стала известна как Остмарк, – но ее граждане в большинстве своем были счастливы. Разумеется, евреи должны были исчезнуть, однако австрийцев это не особенно беспокоило. Во время надвигающегося холокоста Остмарк предоставил сорок процентов персонала концентрационным лагерям и лагерям смерти. Из комендантов подобных мест семьдесят пять процентов составляли австрийцы. Именно австрийцы впервые в таких масштабах организовали депортацию евреев: восемьдесят процентов людей, работавших на Адольфа Эйхмана, верховного мозгового руководителя массовым террором, родились в земле гор и лугов. Восторженный прием, оказанный нацистам в Амштеттене 14 марта 1938 года, в те безрассудные, пьянящие дни бесконечно повторялся в больших и малых городах, деревеньках и предместьях по всей стране. После войны страна будет тешить себя удобной, надежной иллюзией, что она стала первой жертвой своих северных собратьев. Это было – и по сию пору осталось – умственным извращением, которое во многом утешило австрийский народ, но зачастую влекло за собой трагические последствия.

В тот вечер отец Йозефа по обыкновению направился в отель «Гиннер» – сливную яму, которая служила основным пристанищем нацистской элиты во время их пребывания в Австрии. Порядок, дисциплина, послушание могли быть абстрактными идеями, восхищавшими отца, но нельзя было сказать, что в жизни он всегда руководствовался ими. Он служил при баре и видел жизнь прежде всего через доньшко перевернутой пивной кружки. Пока он поднимал тосты заодно с нацистами и своими закадычными друзьями, Йозеф, совсем еще ребенок, оставался со своей матерью Марией. Она оказала сильнейшее влияние на его жизнь. Ее любовь была направлена исключительно на сына. Он, в свою очередь, обожал ее со страстью, граничившей, судя по его позднему признанию, с наваждением.

Чувствуя себя в безопасности в родном городе, так преобразившемся в этот день, Йозеф сидел на колене у матери, которая покачивала его, напевала его любимый стишок – из тех, что так любят дети повсюду.

*Вот как скажут леди —
Прыг-скок, прыг-скок, прыг-скок.
Вот как скажут господа —
Бум, бум, бум.
Вот как скажут фермеры —
Трот, трот, трот.
А вот как скажут детишки —
Уииии!*

С этими словами хихикающего Йозефа опускали на пол, чтобы несколько мгновений спустя заключить в любящие материнские объятия. Это было идеальное завершение счастливого дня.

Йозеф Фритцль поклялся никогда не походить на отца – лентяя, вечно под хмельком, человека ненадежного, – однако ему было предназначено во многих отношениях скопировать его: свидетельством может послужить жажда власти, склонность распускать руки, когда слов не хватало, и неумное либидо.

Мать Фритцля в 1920 году вышла замуж за человека по имени Карл Неннинг, но тот умер в 1927-м, примерно за восемь лет до рождения Йозефа. Замуж она больше никогда не выходила, но у нее был любовник, который пропадал часто и надолго. Это был двоюродный брат Марии, пьяница и вертопрах, и она навсегда выставила его за порог через четыре года после того, как он стал отцом Йозефа. Иметь внебрачного ребенка в католической, сверхконсервативной сельской Австрии по тем временам было все равно что увидеть на двери своего дома пурпурную букву – знак позора. Никакие попытки скрыть внебрачное происхождение

ребенка не могли смягчить стыд, которым вдоволь попотчевали мать и ребенка соседи, но – как обнаружил впоследствии Фритцль – человеческая память коротка, и прошлое не так уж и сложно переписать.

Ко времени прихода нацистов в городок мальчику Йозефу оставалось прожить вместе с матерью и отцом всего лишь еще год в семейной квартире. Слабохарактерный, неусидчивый бродяжка и несчастливый в любви человек, отец уже однажды исчез из его жизни. Когда родился Йозеф, отец жил в соседнем городке, где работая на лесопилке. Но вскоре он вернулся. Любовники обосновались в квартире на Ибштрассе, 40, в доме, вспоминать о котором позже весь мир будет затаив дыхание.

Присутствие отца создавало напряженную атмосферу в доме, и родственники и друзья говорят, что маленький мальчик не раз собственными глазами наблюдал избиение матери. Он не мог не почувствовать облегчения, даже счастья, когда отец ушел навсегда; мальчику было тогда четыре года. Больше Йозеф его никогда не видел. Что стало далее с любовником Марии – история умалчивает, но отныне Йозеф превратился в маленького мужчину в доме – пустой сосуд, вскоре наполнившийся невротами и проблемами, сопутствующими безотцовщине. Впоследствии все эти симптомы проявились в его характере с поразительной силой: повышенная агрессивность, ощущение своей «особенности» и непонятости, жажда скрытности, контроля над событиями, вошедшая в привычку ложь и стремление манипулировать людьми. Уход отца подготовил питательную почву для того, чтобы все эти черты пустили глубокие корни в душе мальчика. И все время мантра порядка, дисциплины и послушания, проповедовавшаяся в детском саду и нашедшая себе отражение в повседневной жизни австрийцев при новой власти, впитывалась его внутренней сутью.

Йозеф ненавидел отца за плохое обращение с ним и с матерью, но осознал он эту эмоцию лишь много позже. Ему еще предстоит вспомнить ночи, которые он провел на своей койке, свернувшись клубком и закрыв голову одеялом, чтобы только не слышать омерзительных, грязных ругательств, с которыми пьяный отец обрушивался на Марию. А наутро он через силу старался угодить отцу, приветствуя его перед завтраком: «Привет, папа!» В некотором смысле, учитывая смекалку мальчика, он ничем не походил на отца. Но в немецком существует поговорка «Der Apfel folk nicht weit vom Stamm» («Яблочко от яблоньки недалеко падает»), иными словами, куда отец, туда и сын. Генетический набор Йозефа не смог помочь ему порвать с наиболее отталкивающими чертами родителя – скабрёзными шуточками, пристрастием к пиву, изменами, жгучей необходимостью держать в узде жену и насилием, когда угрозы оказывались недостаточными, чтобы добиться желаемого результата. Черты эти будут пребывать в спячке до куда более позднего периода, когда он причинит столько боли, страха и унижений существам, которых мнимо любил.

Ребенком, в городке с населением, едва достигавшим пятнадцати тысяч человек, Йозеф изначально смотрелся редкостной птицей, поскольку у него не было отца. Позже военные нужды так же лишили большинство семей отцов и мужей, но в последние годы мира положение в семье Фритцлей стало предметом слухов и злобных выпадов. По воскресеньям в церкви он чувствовал, что глаза других мальчиков устремлены на него, взоры уважаемых домохозяек так и буравят его мать, молчаливо обвиняя ее в том, что она не смогла удержать «мужика» в доме. Тем не менее Мария воспитала Йозефа в уважении к плетке и ремню, заставляла слушаться хлопка ладоней. Некоторые соседи, наблюдавшие за детскими годами Йозефа, подтверждают суровый нрав Марии. И все же мальчик видел свою мать сквозь розовые очки. Он описывает ее как «строительницу характера»; она была строга, порой задавала ему трепку за непослушание и запирала его в комнате, чтобы он исправно выполнял домашние задания. Но, по его словам, она же и окружила его любовью, установила между ними связь на таком глубинном уровне, какой и не снился его соученикам.

Нацисты играли роль общественных образцов, мать – в некотором роде – была порой грубоватым образцом домашнего поведения, и мальчик Йозеф медленно впитывал все эти влияния.

Кристин Рисс (фамилия вымышленная), выросшей в Амштеттене в одно время с Йозефом, суждено было стать его свояченицей. Она описывает Марию как женщину взрывного темперамента, которой случалось прибегать к насилию за малейшее отступление сына от ее правил. Йозеф рос без отца, а мать воспитывала его кулаками. Больше добавить нечего. Она привыкла ставить ему синяки почти каждый день. И что-то в нем надломилось. Он утратил всякую способность испытывать симпатию к посторонним. И все же оставался глубоко, до безумия любящим сыном.

Хильдегард Данильчук была соседкой Фритцлей более сорока лет, и Йозеф рос у нее на глазах. Она могла непосредственно наблюдать, какие отношения установились между матерью и сыном. «Фритцль был единственным ребенком, – вспоминает она. – Мать и сын были необычайно крепко связаны друг с другом. Она каждый день готовила его к школе, сдувая любую пылинку, а он весь так и светился от гордости, когда ему случалось идти рядом с ней. Но она же и жестоко избивала его».

Официальные документы того времени, которые могли бы пролить больше света на тогдашние события, были либо утрачены при союзных бомбежках Амштеттена, либо находятся под слоем австрийских протекционных законов. «Точные причины мне неизвестны, – рассказывает Хильдегард, – однако я знаю, что сына Марии в то время помещали в приют. Но он никогда не задерживался там надолго. Он всегда убежал из приюта для мальчиков и возвращался домой к матери. Мария Неннинг выглядела настоящей ведьмой: она всегда повязывала голову платком и надевала большие очки, иногда носила соломенную шляпку. И постоянно одевалась в темное. Дни напролет она проводила в доме или в саду. Случалось детям расшуметься за игрой, она сердито глядела из окна и покрикивала на них. Казалось, мир чем-то бесконечно досаждал ей, и она никогда по-дружески не общалась с соседскими детьми. Она была из тех женщин, завидев которых люди переходят на другую сторону улицы. В результате мальчик вечно слонялся один, и у него почти не было друзей, с которыми бы он мог поиграть. На это действительно было печально смотреть».

Сравнение со злой колдуньей подхватывает другой житель Иббштрассе, Вернер Пановиц, который сообщает: «Мать Фритцля была невысокой сгорбленной старухой, странноватой, чуть напоминавшей ведьму. В прежние дни вся местная ребятня боялась ее. Ее называли „поросычей леди“, потому что она всегда была грязная и растрепанная; платье висело на ней лоскутьями. Семья Фритцлей вела весьма скромный образ жизни».

В семье Фритцлей иногда заводились деньги, но назвать вдову Фритцль богатой было нельзя. Пр словам Петера Зетца, дом их был обшарпанной развалюхой, «настоящей лачугой». Он прожил там двадцать восемь лет и был старейшим жильцом, не считая Йозефа. «Когда я был молод, дом сильно отличался от того, каким он выглядит сегодня. Обычно он состоял из четырех квартир, три из которых были двухкомнатные. Только квартира Фритцлей была побольше. Мой брат был ровесником Йозефа; в прошлом году он умер. Он знал Йозефа лучше меня. Не знаю, как Мария и Йозеф жили в эти военные дни, поскольку квартплата была очень низкой из-за бедственного состояния жилья. Мальчик был до умопомрачения привязан к матери. Она была странной женщиной, и жители города избегали ее, распуская слухи о ребенке, рожденном вне брака. У мальчика явно были комплексы, связанные с тем, кто он и какова его репутация. Он знал, о чем болтали досужие языки. Он понимал, что отличается от других детей».

Шестидесятидвухлетний Йозеф Гаттербауэр был соседом Фритцлей в молодости. «Больше всего я запомнил его мать, – говорит он. – Мы всегда знали его, Йозефа, как Зеппа Неннинга. Дом, где они жили, часто так и называли – „дом Неннингов“. Это была их соб-

ственность, но они сами занимали несколько комнат, так что под одной крышей всегда жили несколько семей. Госпожа Неннинг проводила почти все время сидя на скамейке перед домом. Иногда она заходила к нам, чтобы передать родителям кое-какие вещи, поскольку они содержали небольшую компанию по перевозке товаров, которая в те поры осуществлялась исключительно лошадьми. Это была маленькая женщина странного вида. Я помню ее как типичную бабушку тех дней. Они с сыном жили на государственное пособие, дополняя его, как я полагаю, платой, которую брали с жильцов. Думается мне, Йозефу стало полегче, когда отцы других ребят один за другим погибли на войне и у людей появились более важные заботы, чем чей-то внебрачный ребенок. Остаться без отца – что же в этом необыкновенного, когда кругом падают бомбы?»

Во время войны Амштеттен не был заурядным городком. Юный Йозеф оказался в эпицентре нацистской тирании, подразумевавшей облавы, избиения и убийства. 22 апреля 1939 года отделение гестапо в Линце донесло своему берлинскому начальству, что политическая оппозиция окружена и повержена. Главная площадь, куда отец водил Йозефа посмотреть на вступление нацистов, была названа в честь Адольфа Гитлера, и городское отделение СС устроило там свою канцелярию, координировавшую охоту на евреев, цыган, гомосексуалистов, политических соперников и других врагов государства в Амштеттене и прилегающих общинах. План состоял в том, чтобы превратить Амштеттен в образцовую национал-социалистическую общину; уже давно весь городок напоминал рекламную нацистскую картинку: с фасада каждой лавки свисали знамена со свастиками, по улицам разгуливали мужчины в ослепительной партийной униформе. Йозефу нравилось это. Однако «порядок, дисциплина, послушание», выражаясь другим языком, означали террор. В школе Йозефа Фритцля, равно как и других мальчиков, учили восхищаться философией силы, которую проповедовали власти страны, и питать отвращение к слабости и жалости.

В военные годы Амштеттен стал домом для «иностранных легиона» подневольных тружеников из всех стран и территорий, завоеванных рейхом: французов определили на земляные работы; венгры чинили железнодорожные линии, поврежденные союзническими бомбежками; русские работали на лесоповале. Но самый ужасный вид был у заключенных концентрационного лагеря Маутхаузен. Йозеф видел, как вызывающие сочувствие изуродованные калеки маршируют по городским улицам – навстречу работе или смерти.

Что значили для него эти образы? Проникала ли в его душу хоть капелька жалости? По иронии судьбы много лет спустя трагедия свершила круг. Полицейские, которым предстояло разрушить странный, потайной мир Йозефа Фритцля, сравнили его обитателей с находившимися в состоянии шока уцелевшими узниками трудовых лагерей времен Второй мировой войны.

Йозефу едва исполнилось десять, когда стрельба наконец прекратилась. Большая часть Амштеттена обратилась в дымящиеся развалины, улицы были изрыты воронками, фасады домов с выбитыми стеклами почернели от копоти. Дом на Иббштрассе, 40, уцелел, но знамена со свастиками, украшавшие все дома начиная с 1938 года – включая родительский дом Йозефа, – больше не развевались на ветру, так как символы нацистского государства оказались под запретом.

Послевоенные годы были тяжелыми для Австрии. Хотя советские войска довольно быстро отступили из Нижней Австрии, которую затем оккупировали англичане вплоть до 1955 года, Амштеттен, подобно другим общинам, страдал от дефицита продовольствия, топлива, одежды и горючих материалов. Отчаянно не хватало рабочих рук: более пятидесяти процентов мужчин, отправившихся сражаться за Гитлера, не вернулись домой.

Карл Дункль учился в одном классе с молодым Фритцлем четыре года, с десяти до четырнадцати лет. Он вспоминает, что Фритцль был двумя годами старше остальных мальчиков в классе: «Не знаю, связано ли это с общим смятением послевоенных лет или с тем, что он

выделялся на фоне остальных, но ему постоянно приходилось с чем-то бороться, что-то преодолевать; да и дома у него не все было спокойно, каждый знал это. Думается, у его матери было слабоумие – женщиной она была определенно эксцентричной, – и, я полагаю, хотя она и поколачивала его, но выбивалась из последних сил, чтобы о нем заботиться. Думаю, ее неспособность оказывать ему должный уход пару раз приводила его в приют для несовершеннолетних. Странной представляется его реакция – бежать обратно домой... Он был беспокойным мальчиком, нервным, всегда начеку; казалось, у него ясное, почти звериное чутье и понимание происходящего. И неусидчивым же он был!»

Дункль описывает Фритцля как выходца из бедной семьи. «Бедной в двух отношениях, – вспоминает он. – Во-первых, их финансовая ситуация оставалась достаточно напряженной, а во-вторых, единственный сын в семье, он не мог наладить контактов с обществом. Фритцль всегда был одинок и во многом напоминал волка-одиночку. Он играл в ковбоев и индейцев, копов и грабителей с нами в лесу, но, будучи на два года старше, был более развит физически. Однако лидером не стал; ему доставляло большую радость оставаться на заднем плане».

Мальчишки часто гоняли мяч по улицам – футбол остался страстью Фритцля на всю жизнь. Но игроком он был неважным; «левша Фритцль» делался тем вежливее, чем больше оскорблений сыпалось на него. Еще его называли «браунер» – из-за коричневых рубашек, которые нацисты носили в первые дни, а также потому, что он продолжал выказывать свое юношеское восхищение их политикой. Подростком Фритцль стал проявлять жадный интерес к своей внешности и к противоположному полу; две черты характера, определившие его поведение на всю оставшуюся жизнь. Дункль вспоминает; «В последних двух классах возрастное различие стало более ощутимым. Фритцль тщательно следил за своей внешностью и всегда был чрезвычайно ухожен».

В дальнейшем Фритцль оказался и одним из самых умных. Он закончил школу с хорошим аттестатом и четыре года проучился на инженера-электронщика – очень важная специальность в стране, чьи заводы и рабочая сила понесли такой ущерб. Во всех отношениях он являлся добросовестным работником, человеком, тщательно подмечавшим всякую деталь, и всегда получал удовлетворительные, а иногда и превышавшие средний уровень оценки за свою практическую и академическую работу. На дорогу в колледж у него уходило два часа. Он отказывался от выпивки с другими учащимися после занятий, торопясь поскорее вернуться к любимой маме.

Тем не менее по воскресным дням Фритцль сбрасывал с себя обычную угрюмость, становился более расслабленным, отвечал на шутки и даже сам шутил за кружкой пива, заразительно смеясь, когда присоединялся к дружеской компании. По уик-эндам он наслаждался оживленной общественной жизнью, ходил на танцы в Амштеттен или Линц и позже хвастал, что завел «нескольких подружек». Девушки нравились ему, а он – им. Соперничая в прическе со звездами тогдашнего американского кино, юноша покупал на черном рынке бриолин и гладко зачесывал волосы. Но вечерами всегда возвращался, чтобы позаботиться о матери.

Ко времени окончания колледжа ему исполнился двадцать один год, он готовился подыскать первую работу, и характер его уже вполне сложился. На жизненном пути перед Йозефом Фритцлем возникли развилки, и приходилось решать, какую дорогу выбрать. К сожалению, сочетание безотцовщины, болезненной привязанности к матери, неотвязное стремление утвердить свой авторитет определили его чудовищную судьбу.

Ведущий венский психотерапевт набросал профиль Фритцля для этой книги, основываясь на годах его становления в Амштеттене. Строя свой анализ на среде, окружавшей будущего преступника, он приходит к выводу, что порочные наклонности сложились у Фритцля в самом раннем возрасте. «То, что он испытывал в возрасте двух, трех, а может быть, и пяти лет, превратило его в того, кем он позднее стал в жизни. Сексуальные фантазии, по его собственным словам, связанные с матерью, должны были укорениться в нем с самого раннего детства; без

преувеличения можно сказать, что это было сценой, на которой складывался внутренний мир персонажа.

Крайняя суровость матери, по всей видимости, создавала определенное напряжение и давление, с которыми мальчик не мог совладать, не мог осмыслить их логически. Совершенно ясно, что тогдашнее общество – строгое, резкое, не допускавшее никаких разногласий – сдерживало его силы. Фритцль был молодым вулканом накануне извержения. Должно быть, постоянные табу терзали его, так как подобная неудовлетворенность всегда ищет выхода.

Говоря о неудовлетворенности, я подразумеваю самые разные вещи: чувство отчужденности от своих сверстников, у которых были отцы; чувство импотенции, поскольку мать отвергала его поклонение; извращенное представление о хорошем поведении. Люди, подобные Фритцлю, вступающие в жизнь как жертвы, со строгой матерью, без отца, извечно задаются вопросом: „Почему я?“ Они испытывают извращенное удовольствие, рассматривая себя как жертву, а все мы знаем, как часто жертва впоследствии становится преступником.

По мере взросления он испытывал необходимость очистить свое сердце от ненависти, но никогда не мог полностью открыть клапан. Вместо того чтобы найти выход, он подыскивал обоснования своему поведению, что и сделало его тем, кем он стал, – насильником, склонным к неоднократным домогательствам на сексуальной почве».

Всего несколькими годами позже Йозеф Фритцль «попал на заметку полиции» – выражение, которое вряд ли способно адекватно описать человека, совершившего впоследствии череду сексуальных домогательств и жестокостей, сломавших судьбы по крайней мере двух молодых женщин.

Глава 2

Зло внутри

Мужчина ночами напролет следил за одним домом. Иногда проходя мимо, иногда проезжая на велосипеде. Он подмечал, когда муж уходит на работу, когда включается и выключается свет, и соответственно этому выстраивал свою стратегию. Все всегда должно происходить по плану – таков уж был Фритцль. Ночь, которую он выбрал для нападения, стояла чудесная – луна низко висела над горизонтом, задувал легкий ветерок, небо было ясное. Он чувствовал нож в кармане— антисептически чистое, прохладное лезвие. Он испытывал обычные позывы, чью звериную природу нельзя отрицать. О, уж с этой-то он наиграется всласть. Украдкой перейдя улицу, он подошел к окну, с силой толкнул его и через несколько секунд уже был внутри. Бесшумно пробрался к спальне и, ворвавшись, застал ее юную хозяйку в неглиже, вытащил нож и взял то, что, как он полагал, причитается ему по праву.

* * *

Фритцль устроился на работу в двадцать один год, получив место в сталелитейной компании «Фештальпин» в Линце. Шел 1956 год, и Австрия, как и Германия, не могла быстро производить материалы, необходимые для восстановления разрушенных городов, пошатнувшейся за время войны экономики. Работы хватало повсюду: результат того, что многие погибли в сражениях, попали в плен или попросту были уволены. На новом рабочем месте Фритцлю нравилось мужское товарищество, он наслаждался, чувствуя себя мужчиной среди мужчин, усиленно работал со сложной электронной аппаратурой сталепрокатных станков и, как обычно, спешил по вечерам домой, чтобы припасть к материнскому лону.

И вот в следующем году, когда ему исполнилось двадцать два, он встретил Розмари. Ей было семнадцать, и она была идеальной женой для подрастающего монстра. Она беспрекословно исполняла все, что ей говорят, умела стряпать, держала дом в чистоте, была немногословна, и, перефразируя старую поговорку, можно сказать, что, когда Фритцлю требовалось ее мнение, он просто уведомлял ее о своем. Как сказала лучшая бывшая подруга Розмари Эльфрида Херер в интервью для этой книги: «Он смотрел на нее, как крестьянин смотрит на призовую корову: она могла дать ему все, чего бы он ни пожелал – а именно, большую семью, – а он требовал, чтобы она уважала его потребность в раболепном отношении. Мне никогда не совместить образы двух Розмари: такой, какой она была без него – заботливой и любящей хохотушкой, и потерянной, сломленной и молчаливой, когда они, впрочем нечасто, оставались вместе. В то время, когда мы повстречались, она была полностью у него под каблуком, но, думаю мне, это произошло с первой же их встречи. Даже ее родители, которых, насколько мне известно, она любила, не любили его, хотя я и не знаю почему, но какая разница. Он полностью контролировал каждое ее движение».

Поначалу родители Розмари налюбоваться не могли на эту пару – ровню во всех отношениях. Они радовались, когда Фритцль останавливался у них дома в Линце: он работал на «Фест», находившийся чуть подальше, и они всегда тепло встречали его. Сразу после свадьбы Розмари держалась робко, благоговей и трепеща перед красивым, рослым, мускулистым парнем; только позднее она начала бояться его, как боялись Фритцля люди его круга. Родившись 23 сентября 1939 года в Линце, Розмари была воспитана как типичная девушка своего времени, чьи амбиции не простирались дальше трех «К» женского австрийского общества: Kinder, Küche, Kirche – дети, кухня, церковь. Она окончила курсы помощника повара, что давало ей возможность устроиться на работу в одну из городских пивных или ресторанов, но она не

строила никаких прожектов, не чувствовала себя уверенной и не желала иметь собственных взглядов. «Йозеф был для нее всем, – сказала Эльфрида. – Как только он появился в ее жизни, она почувствовала себя осужденной на вечную гауптвахту».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.